

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

*Теоретические модели
и практический опыт*

Коллектив авторов

**Культурологическая
экспертиза: теоретические
модели и практический опыт**

«Астерион»

2011

Коллектив авторов

Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт / Коллектив авторов — «Астерион», 2011

Коллективная монография посвящена концептуализации экспертных возможностей культурологии; обзору и анализу существующей экспертной практики, квалифицируемой как культурологическая экспертиза; культурологическому измерению существующих видов экспертизы. Теоретический ракурс связан с поиском форм и способов операционализации фундаментальной культурологической теории в целях формирования методологии культурологической экспертизы и экспертных технологий. Анализируется культурологический потенциал различных видов гуманитарной экспертизы. В практической части представлен опыт работы экспертных советов и отдельных специалистов, практикующих в области экспертизы культурного наследия и культурных ценностей, экспертизы культурных проектов, экспертизы СМИ (газет, телевизионных передач, Интернет–сайтов), экспертизы научной продукции и образовательного пространства. В приложении представлены экспертные заключения, выполненные по заявкам конкретных учреждений, организаций, фирм. В качестве общих проблем, объединяющих различные виды экспертизы, поставлены проблемы практической значимости культурологических концепций, прогностический потенциал наук о культуре, проблемы профессиональной этики.

Содержание

Введение	5
Часть 1. Культурологическая экспертиза как проект	8
Экспертно-аналитическая деятельность как системно- структурированное знание	8
I. Экспертная деятельность в системе профессиональных компетенций культуролога	8
II. Виды экспертно-аналитической деятельности и ее основные принципы	9
III. Экспертно-аналитическая деятельность как часть системы государственно-общественного регулирования	12
IV. Система мотиваций культуролога при включении в экспертные процедуры	16
V. Экспертная и научно-аналитическая деятельность в контексте культурной политики	19
Культурологическая экспертиза в процессах социального контроля и управления	23
Креативные технологии принятия решений в гуманитарной экспертизе	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Культурологическая экспертиза. Теоретические модели и практический опыт

Введение

Коллективная монография, предложенная вниманию читателей, вдохновлена желанием создать культурологическую экспертизу как особый вид экспертной практики и, как надеются авторы и составители монографии, является шагом на этом пути. У настоящей коллективной монографии есть некоторая предыстория, с которой вкратце хотелось бы познакомить читателя. Авторами идеи коллективной монографии являются представители факультета философии человека РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), который принимал активное участие в реализации инновационной образовательной программы «Создание инновационной системы подготовки специалиста в области гуманитарных технологий в социальной сфере» (2007–2008 гг., руководитель программы – проф. С. А. Гончаров). Тогда в ходе напряженной и плодотворной работы был накоплен интересный и требующий широкой апробации опыт гуманитарных экспертиз различного масштаба с опорой на разработки в области разных наук, но в особенности на междисциплинарный подход, выработка которого была одним из принципов инновационной образовательной программы.

В 2008 году инновационный проект РГПУ им. Герцена был завершен, но импульс, заданный им, продолжал оказывать воздействие на научные разработки и образовательный процесс. В 2009 году, уже после завершения инновационного проекта, но на той же волне проблематики гуманитарных технологий, начала свою работу Герценовская Школа практической культурологии¹ (координаторы – проф. Л. В. Никифорова, доц. Н. А. Кривич). Такое название было дано серии встреч, проходивших в формате мастер-классов и интерактивных семинаров и преследовавших две взаимосвязанные группы задач – с одной стороны, поиск сфер практического применения культурологического знания за пределами университетских аудиторий, с другой – продвижение культуролога (т. е. выпускника соответствующей образовательной программы) на профессиональный рынок труда.

В рамках этих периодических встреч экспертные сюжеты вызвали, пожалуй, наиболее заинтересованное внимание аудитории и стали предметом горячих дискуссий. Школа практической культурологии, состоявшаяся в апреле 2010 года и специально посвященная проблемам экспертизы, поставила участников – организаторов, слушателей, руководителей мастер-классов – перед целым рядом проблем: социального функционирования культурологического знания, «конкурентных» преимуществ культурологи в различных видах экспертиз, статуса эксперта и экспертной этики. В 2011 году на заседаниях школы выступали представители Комитета по культуре при Правительстве Санкт-Петербурга и Топонимической комиссии. Школа практической культурологии позволяет объединить административный и кадровый ресурсы, что особенно важно в условиях практико-ориентированной концепции системы профессионального образования.

Продолжая тематику Школы практической культурологии, была издана коллективная монография «Философия и культурология в современной экспертной деятельности»², авторы

¹ Материалы Школы практической культурологии размещены на сайте сетевого сообщества «Российская культурология»: <http://www.culturalnet.ru/f/viewtopic.php?id=316>

² Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография / Редколл: В. А. Рабош, Л. В. Никифорова, Н. А. Кривич. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010.

которой – ученые и одновременно практикующие эксперты – поделились размышлениями об особенностях современной экспертной деятельности, о сферах применения философского и культурологического знания в экспертной практике.

На страницах монографии была поставлена проблема роли философского и культурологического знания в ситуации трансформации экспертной практики, появления и постепенной институционализации новых видов экспертиз, предметом которых выступает символическая сфера человеческой деятельности, культурная идентичность, базовые ценности и другие «тонкие материи». Исследования такого рода являются частью философской (гуманитарной) традиции – в этом смысле любая экспертиза предполагает умение вырабатывать суждение с опорой на фундаментальные философские и культурологические концепции современности, умение видеть в качестве контекста духовный климат эпохи. В то же время важнейшим профессиональным навыком философа и культуролога, участвующего в экспертной деятельности, становится адаптация абстрактно-теоретического, концептуального аппарата современной гуманитаристики к экспертным задачам.

В отличие от привычных для философов и культурологов академических научных исследований, экспертиза – это прагматичное исследование, которое начинается часто от извне сформулированных вопросов, призвано в финале прийти к очень конкретным ответам и рекомендациям, может стать поводом к юридическим, административным, управленческим решениям. Философ и культуролог, исполняя функции эксперта, должен порой принимать позицию стоика, способного примириться с ненаучной постановкой вопроса. Вместе с тем философский взгляд на окружающую реальность, умение видеть суть вещей, требуются и заказчику экспертизы, и эксперту любой академической квалификации – прежде, чем ставить вопрос, необходимо сознавать, как вообще может быть понята та или иная ситуация.

Настоящая коллективная монография специально посвящена культурологической экспертизе. На сегодняшний день культурологическая экспертиза не является строго институционализированной формой деятельности, хотя к культурологическому знанию апеллируют многие эксперты, а проблемы культуры являются едва ли не центральными при обсуждении политических, социальных и даже экономических вопросов.

Предварительно под культурологической экспертизой мы будем понимать, во-первых, сам факт участия культурологов (т. е. специалистов, обладающих соответствующей академической квалификацией) в различных видах экспертиз; во-вторых, привлечение концептуального аппарата культурологии для создания экспертного инструментария (методик и приемов) в традиционных и новаторских видах экспертизы; в-третьих, экспертную практику, которая своим предметом или контекстом полагает культуру, понятию в широком смысле (как коллективный опыт, как мир ценностей и смыслов, как сложную реальность, пронизанную нелинейными взаимосвязями между различными сферами человеческой жизни), или в узком – как «отрасль», регулируемую культурной политикой³.

Желание создать культурологическую экспертизу требует определения ее предмета и методов, возможностей и ограничений. В этой логике выдержана структура монографии.

Первый раздел «Культурологическая экспертиза как проект» содержит материалы, главной задачей которых является ответ на вопрос о миссии экспертной деятельности культуролога, ее функциях, стратегических и тактических задачах, об ожиданиях от культурологической экспертизы в контексте представлений о типах экспертного знания.

Во втором разделе исследуются стратегии институционализации культурологической экспертизы, предполагающие ту или иную форму законодательного и нормативного обеспече-

³ Формулируя предварительное понимание культурологической экспертизы мы опираемся на: *Гончаров С. А. Понимание и экспертная деятельность. Вместо введения // Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. – С. 9.*

ния культурологической экспертной деятельности, определения статуса культуролога-эксперта и соответствующей сертификации, экспертных институций, учреждений, сообществ, ответственных за качество культурологической экспертизы. Третий, четвертый и пятый разделы охватывают преимущественные сферы экспертного применения культурологического знания. Представленные в них материалы опираются на реальные эмпирические данные и практический опыт. Среди рассматриваемых сфер: культурная политика (от государственного законодательства в области культуры до организации инициатив и проектов в масштабах города, региона); охрана культурного наследия и сфера художественного творчества, а также информационная среда в аспекте образно-символического содержания. При всем разнообразии конкретного опыта, ставшего предметом аналитических разборов, авторы сосредоточены на показе предмета, методологии и методики культурологической экспертизы, связанной с фундаментальными культурологическими концепциями.

Завершается коллективная монография приложением, в которое помещены выдержки из законов, законопроектов, действующие положения и методики проведения экспертиз, а также экспертные заключения, выполненные по конкретным запросам и способные составить прецедентную базу экспертной практики культуролога.

Часть 1. Культурологическая экспертиза как проект

Экспертно-аналитическая деятельность как системно-структурированное знание

О. Н. Астафьева

I. Экспертная деятельность в системе профессиональных компетенций культуролога

Многообразие и сложность проблем современной культуры, продуцирующихся деятельностью человека, составляют предметное поле культурологии. Обращение к ним предопределяет междисциплинарный характер исследований, разнообразие научных «профилей» в культурологическом знании. Решение специалистами задач, связанных с сохранением и созданием культурных ценностей, передачей социокультурного опыта в условиях новой информационно-коммуникативной среды, – все это, как и многое другое, требует приложения творческих сил культурологов. Отсюда и повышенные требования к профессиональной подготовке культурологов, уровню их знаний и умений, навыков применения в разных областях социокультурной практики.

Современный культуролог – это специалист, обладающий высокой эрудицией и компетенциями в таких сферах профессиональной деятельности, как научно-исследовательская, организационно-управленческая, проектно-аналитическая и экспертная, производственно-технологическая и культурно-просветительская, наконец, преподавательская деятельность и др. Как ученый, культуролог опирается на принципы этоса науки, неся на себе груз ответственности за выбор из известного ему спектра «методов установления истины» – конкретно именно того, который отвечает не только его личностным познавательным установкам, но и позволяет глубоко исследовать объект, включенный в социокультурный контекст, или, напротив, предоставляет возможность вынести объект за пределы обыденного познания, с целью постижения его сути.

В этом смысле ядром экспертно-аналитической деятельности, задающей масштаб социальной востребованности культуролога и раскрывающей широкие возможности приложения его профессиональных навыков, становятся:

- знание теории и методологии, включающей целый набор исследовательских средств и процедур для изучения мира культуры, доведенной до особого рода технологии и нормативных требований, предъявляемых к описанию исследовательской практики;
- гражданская позиция и социальная ответственность, в большей или меньшей степени влияющие на познавательную установку ученого в отношении окружающей его социокультурной реальности;
- качества личности, соотносящиеся со спецификой научно-аналитической и экспертной деятельности, как «интегральной сферы объект-субъектной объективности»⁴.

Экспертно-аналитическая деятельность выступает сферой и комплексным направлением исследовательской деятельности научного сообщества, а также социальным институтом. С одной стороны, это открывает перед ученым пространство творческого поиска для реше-

⁴ См.: Мусеев В. И. Этос науки как символ новой объективности // Этос науки / Отв. ред. Л. П. Киященко и Е. З. Мирская. – М.: Academia, 2008. – С. 267–268.

ния нестандартных научных проблем, предполагает его научную добросовестность, основанную на синтезе профессионализма и этических принципов науки. С другой – закрепляет статусно-ролевую позицию ученого в системе регулирования социокультурной практики.

Фактически же, экспертно-аналитическая деятельность является интеллектуально-практическим полем, где культурологом продуцируется новое экспертное знание, несомненно связанное с установленными правилами описания и анализа текстов культуры, но, по существу, предъявляющее обществу собственную исследовательскую позицию или интерпретацию (феноменов, процессов, разных форм и видов практики и пр.) через систему специальных научных процедур, выходя за рамки существующих стереотипов и обыденного опыта. В этом видится эвристический потенциал экспертно-аналитической деятельности и проявляется ее системный характер.

В настоящее время экспертно-аналитическая деятельность стала обширной и интенсивно разрабатываемой областью приложения культурологического знания и его творческой активности. Как правило, разработка фундаментальных, теоретических и прикладных проблем ведется культурологами на основе теорий и методов, применяемых в разных науках о культуре. Но многообразие видов экспертной деятельности предполагает, помимо общетеоретической подготовки, наличие у эксперта высочайшего уровня компетентности в одной из областей культурологического знания, делая его носителем уникального знания. «Спецификация по профилям» закрепляет за культурологом неофициальный (или официальный) статус «знатока». И в этом, собственно говоря, нет никакой иронии, поскольку специалистов, обладающих «профессиональным мнением в последней инстанции», на основании которого делается заключение об истинности или ложности принимаемого решения, в научном сообществе единицы.

II. Виды экспертно-аналитической деятельности и ее основные принципы

Согласно общепринятой типологии, к основным видам экспертных исследований могут быть отнесены отраслевая экспертиза и общегуманитарная. Однако целесообразней, если речь идет о сфере культуры и деятельности культурологов, использовать более развернутую классификацию. Следуя ей, современный культуролог участвует в таких видах экспертно-аналитической деятельности, как:

- экспертиза культурных ценностей, включающая весь спектр проблем, связанных с их созданием, хранением, распространением, тиражированием, функционированием в системе учреждений и организаций культуры, арт-рынка и его отдельных сегментов;
- экспертиза культурно-образовательных, научно-исследовательских и культурно-просветительских проектов, реализуемых в социокультурной сфере;
- социокультурная экспертиза охватывает широкую проблемную зону (сферы культуры, науки, образования, здравоохранения, коммуникаций, экологии и др.) и включает экспертный анализ программ социокультурного развития и комплексных инновационных проектов;
- культурологическая экспертиза, являющаяся особым направлением теоретического моделирования и прогнозирования культурного развития, задачей которой является выделение основных векторов и перспектив, разработка критериев и принципов коммуникативного взаимодействия между различными социальными субъектами, осуществляющими культуротворческую деятельность;
- профессиональная аттестация работников сферы культуры, образования, науки; государственных служащих, занимающихся вопросами регулирования сферы культуры на разных уровнях власти;
- экспертиза образовательных и научно-исследовательских программ и других видов учебно-методической продукции по профилю научной специальности эксперта;

- разработка экспертных оценок в фирмах и консалтинговых компаниях, общественных и государственных организациях социокультурной сферы;
- общественная экспертиза как форма гражданского участия в принятии государственных решений, с обязательным использованием экспертных процедур, привлечением к обсуждению проблем специалистов высокой квалификации.

Результатом экспертной деятельности как системы, ее составной частью выступает экспертиза. В теории культуры и культурологической практике понятие «экспертиза» получило широкое толкование и, в зависимости от конкретных целей и задач, экспертизу рассматривают как:

- 1) научно-исследовательскую процедуру получения достоверной информации относительно каких-либо проблем и вопросов, требующих применения специальных знаний в определенной сфере деятельности;
- 2) особый тип интегративной научной деятельности, включающий диагностику, консультирование, инспектирование и пр. виды, одновременно отличающийся от них целостным характером видения предмета экспертизы и рекомендательным характером;
- 3) социальную технологию, применяемую для регулирования социокультурных процессов;
- 4) идентификационный механизм, подтверждающий авторские права, подлинность предмета, выявляющий реальную стоимость и т. д.;
- 5) официальный документ (заключение), включающий обоснованные регламентации относительно разных типов отношений в различных сферах культуры (к примеру, правовая экспертиза, экспертиза условий хранения культурных ценностей и пр.).

Независимо от вида и целей экспертизы, основными принципами, предъявляемыми к результатам экспертной деятельности культуролога, выступают: профессиональная компетентность, научная объективность, независимость от заказчика. В свою очередь, следование этим принципам предопределяет высокое качество экспертных оценок и заключений, доказательность представленных выводов, методологическую обоснованность решений, прогностичность предложений. Не умаляя важности для исследователя всей совокупности выделенных принципов, на наш взгляд, одним из основных является объективность.

Так что же это такое – «объективность» для самого эксперта, и как возможно ее достижение в процедурах и результатах экспертной деятельности?

По мнению А. П. Огурцова, «объективность – это прежде всего независимость от субъективности в любой ее форме – будь то субъект познавательного суждения, субъект волевого решения или субъект выбора. Объективность – то, что существует само по себе, автономно от нашего сознания, нашей воли, наших оценок, нашего выбора»⁵.

Всегда ли, к примеру, представленный к экспертной оценке проект или продукт (произведение), независимо от его восприятия и оценки профессионалами, является шедевром? В свою очередь, может ли быть независимой объективностью эксперта? Как влияет на содержание экспертного заключения груз знаний, информации, наконец, художественный и эстетический вкус, «личностное знание», позволяющее самому эксперту профессионально выражать и обозначать свою оценку как объективную? Это очень сложная проблема.

С одной стороны, безусловно, в стремлении эксперта к независимости от чужого мнения (и это может выступать формой выражения объективности) проявляется личностный взгляд на объект, выражающий его профессиональную оценку и позицию. Но она всегда натывается на преграду – на иную сторону объективности, с которой эксперт вынужден считаться, принимая во внимание уже устоявшиеся истины и общезначимые положения и стандарты.

⁵ Огурцов А. П. Интерсубъективность как поле философских исследований // Личность. Культура. Общество. – 2007. Т. 9. Вып. 31 (4). – С. 63.

С другой стороны, даже от общезначимости до объективности – дистанция огромного размера, замечает А. П. Огурцов⁶.

Таким образом, достижение объективности научных результатов и экспертных оценок, фиксируемых в разного рода экспертных заключениях, предполагает глубокую теоретическую проработку проблемы. Это, как правило, приводит к противоречивому отношению к проведенной работе и ее результатам, оформленным в разных формах научной продукции. Смысл и содержание претензий, высказываемых в адрес экспертных заключений и аналитических разработок со стороны заказчиков, зачастую сводится к указаниям на излишнее теоретизирование проблемы, в то время как, согласно мнению некоторых из них, итоговый продукт должен быть лаконичным, предельно содержательным, своего рода «квинтэссенцией» научных обобщений эмпирического материала. На наш взгляд, выдаваемый результат во многом зависит от цели, но столь рационализированный подход допустим далеко не во всех случаях.

Фундаментально-прикладной характер экспертно-аналитических оценок и заключений обеспечивается необходимым соотношением в них информативности и охватываемости, достигаемых в результате обращения к интегральным подходам в научных исследованиях⁷.

Упреки в «метатеоретичности» не являются, на наш взгляд, серьезным препятствием для понимания управленцами сути экспертных материалов; в свою очередь, теоретические обоснования позволяют ученым глубже проникнуть в суть актуальных проблем, характеризующих вектор социокультурных процессов современной эпохи. И здесь главное для обеих сторон – видеть различие между субъективными оценками и реальным пониманием происходящих изменений. Как правило, считает В. Г. Федотова, «есть две точки зрения на одну проблему, одна исходит из целей субъекта, другая – из объективных процессов, и не слияние этих точек зрения, а совместное использование полученных ими результатов в экспертизе социальных проектов и программ представляется наиболее перспективным»⁸.

Точка зрения эксперта может быть представлена в качестве разного рода документов – заключений, концепций, записок, справок, рецензий, предложений, таблиц, рейтингов и пр., либо высказанных суждений и мнений в устной речи. Независимо от этого, в них имплицитно содержится теоретическая оценка, базирующаяся на опыте, знании и информации, получаемой в процессе коммуникаций (т. н. «личностном, неявном знании»⁹). В зависимости от целей экспертизы, теоретическая или практическая составляющая часть ее может носить доминантный характер.

Зачастую в силу теоретичности изложения проблемы или, напротив, содержания в тексте чрезмерно субъективного отношения к объекту, если это мешает пониманию смысла, заказчик может отклонять или игнорировать экспертное заключение. Не исключено, что это приводит к управленческим ошибкам в системе управления, которые имеют серьезные социальные последствия. Современное состояние мира таково, полагает В. С. Степин, что научно-исследовательская деятельность допускает включение аксиологических факторов в число объясняющих положений, связей внутринаучных ценностей с ценностями общесоциального характера. Это аксиология нравственных оснований, на которых базируется научная деятельность. Так, «в науке в качестве идеала провозглашается принцип, что перед лицом истины все исследователи равны, что никакие прошлые заслуги не принимаются во внимание, если речь идет о

⁶ Там же. – С. 63–64.

⁷ Каменобродский А. Г., Новосёлов М. М. О гносеологической точности и формировании интервалов неразличимости // Вопросы философии. – 2008. – № 7.

⁸ Федотова В. Г. Социальная философия и науки об обществе // Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т. 1. – № 2. – С. 134.

⁹ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В. А. Лекторского, В. И. Аршинова; пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина. – М., 1995.

научных доказательствах»¹⁰. Конечно, «ученый может ошибаться, но не имеет права подтасовывать результаты»¹¹, в силу чего любой продукт научной деятельности – исследовательский проект, экспертное заключение, статья или концепция – могут быть подвергнуты этической экспертизе. Современный ученый генерирует «новый тип интеграции истины и нравственности, целе-рационального и ценностно-рационального действия»¹².

Следовательно, ценность (уникальность) экспертных заключений связывается не только с процедурой получения результатов, когда осуществляющий этот вид деятельности культуролог оперирует общими и специальными методами исследования конкретной проблемы, но и с той частью его деятельности, когда ученый осмысливает ее как гуманитарную, включая инструменты рефлексии и интуиции. Не случайно гуманитарные экспертизы строятся не только на включении количественных показателей¹³, но и рассматриваются в рамках определенного нормативного знания, сложившегося в культурологическом сообществе относительно того или иного культурного феномена и излагающегося в виде развернутых гуманитарных построений. Анализируя множество субъективных мнений и оценок, содержащихся в культурологических текстах, ученый осуществляет собственный акт творчества – поиск научной истины в определенном социокультурном контексте.

Одним из центральных методов становится концептуализация проблемы, не исключая сравнительных отсылок к аналогичным материалам с позиции их критической оценки, предложений альтернативных решений и пр. В любом случае это делается с целью детальной проработки проблемы, усиления надежности и объективности результатов, достижения полноты в исследовании проблемы. Умение придавать экспертным оценкам *четкость и однозначность в толковании тех или иных аспектов проблемы* – результат профессиональных компетенций и опыта экспертно-аналитической деятельности в сфере культуры.

III. Экспертно-аналитическая деятельность как часть системы государственно-общественного регулирования

Повышению значения экспертно-аналитической деятельности культурологов способствуют социокультурные изменения, демократизация общественной жизни, формирование системы государственно-общественного регулирования в сфере культуры. Сегодня проведение экспертизы – ее обязательная составляющая часть, которая носит как коллективный, так и индивидуальный характер. С одной стороны, ею обеспечивается канал коммуникаций между властью и обществом, позволяющий проводить открытое обсуждение проблем и предлагаемых решений. С другой – через систему экспертных советов, функционирующих на общественных началах, на основе конкретных экспертных заключений структуры власти получают возможность принимать ответственные управленческие решения по поддержке и распространению инновационных проектов, по распределению ресурсов и поощрению деятельности и т. д.

Прежде всего, обратим внимание на то, что в условиях становления гражданского общества в принципах взаимодействия профессиональных научных сообществ и системы государственного управления проявились существенные перемены, обусловившие пересмотр функций всех участников экспертно-аналитической деятельности и расширение сфер применения

¹⁰ Степин В. С. Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности // Этос науки / Отв. ред. Л. П. Киященко и Е. З. Мирская. – М.: Academia, 2008. – С. 29.

¹¹ Там же. – С. 30.

¹² Там же. – С. 46.

¹³ О возможностях получения достоверных результатов на основе анализа количественных и статистических показателей, служащих основаниями для диагностики социальной и культурной динамики, существует немало исследований. См., например: Моль А. Социодинамика культуры / Пер. с франц. Изд. 2-е. – М.: КомКнига, 2005; Петров В. М. Социальная и культурная динамика: быстротекущие процессы (информационный подход). – СПб., 2008 и др.

результатов экспертиз в управленческой практике. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что значение экспертных оценок и заключений повышается, поскольку экспертиза как социальный институт и важная часть общественной жизни включается в систему ее регулятивных инструментов. Публичность эксперта, усиленная посредством системы информационно-коммуникативных технологий, повышает его профессиональную ответственность, конституированную в определенных нормативных положениях относительно осуществления им этого вида научно-исследовательской практики.

Принципы демократии, открывающие пространство для позиционирования и публичного поведения разных статусных субъектов – политических партий, профсоюзов, государственного управления, бизнеса, науки, образования, наконец, экспертных сообществ и т. д. – способствовали формированию конкурентной среды, в которой огромную нишу заняли бесконтрольные нестатусные публичные субъекты. Появление таких субъектов, в силу отсутствия у них административных ресурсов и статусной ответственности, меняет практики позиционирования экспертного сообщества, приводит к активизации технологий публичного самоутверждения как способа существования. Позиционирование нестатусных публичных субъектов, претендующих на роль экспертов, с которыми вступает в конкуренцию научное (экспертное) сообщество, осуществляется в основном через систему социальных коммуникаций и, в первую очередь, – посредством использования информационно-коммуникативных систем и компьютерных технологий.

В ситуации конкуренции (научных продуктов, концепций, идей, предложений и пр.) эффективность государственного управления, во многом обусловленная качеством научно-аналитических разработок и экспертиз, закладываемых в основание культурной политики, снижается в силу медленного внедрения форм и принципов государственно-общественного взаимодействия, недостаточно развитых коммуникаций с профессиональным сообществом культурологов. В итоге высокий рейтинг «ресурсов публичности» дает нестатусным субъектам широкую трибуну для распространения разных идей и предложений на проведение научных исследований и экспертиз, образовательную и издательскую деятельность. Более того, их активность в пространстве Интернет-среды, а также в других средствах массовой коммуникации – радио и телевидении, доступ к которым не требует от нестатусных субъектов официальной санкции, создает им большие информационно-коммуникативные преимущества. Это позволяет коммерческим (бизнес-структурам консультирования и экспертиз) и некоммерческим (общественным объединениям и партиям) формировать сетевые структуры и собственную среду, переводить любую информацию на глобальный уровень, доводить свое экспертное мнение до широких слоев общества.

Сетевые экспертные сообщества в России представлены двумя группами: закрытый состав сообщества (примерно до 5000 чел.) и открытый (численность – до 800 000 человек). Ими ведется работа по таким проектам, как: анализ и оценка общественных и экономических явлений, обсуждение нормативно-правовых документов, подготовка материалов и интервью. Деятельность сообществ осуществляется, как правило, по вертикально-интегрированному принципу и направляется лидером, которым выстраивается организационная структура, инициирующая проведение круглых столов, обсуждения и пр. В связи с развитием гражданского общества изменятся ли роль и место сетевых сообществ подобного типа в нашей стране? Будет ли это процесс или институт и возрастет ли степень ответственности и, соответственно, доверия к мнению эксперта и заключениям сетевых сообществ – задаются вопросами их руководители¹⁴.

В настоящее время значительно возросла активность международных экспертных сообществ, прежде всего – «сетевых эпистемических сообществ» (a net work epistemic community).

¹⁴ Райков А. Н. Пространство сетевой экспертизы // Личность. Культура. Общество. – Том XII. Вып. 4. №№ 59–60. – С. 238.

Такие сообщества образуются вокруг университетских исследовательских центров, научных изданий, рабочих групп и имеют различную тематическую направленность. Заметим, для мировой практики характерно формирование научного пространства как коммуникативного пространства равноправных субъектов – носителей инноваций культурных смыслов. Множество субъектов научной деятельности, стоящих на своих позициях, открыты для поиска плодотворных форм взаимодействия и путей согласования целей системы образования и системы науки. В этом проявляется смысл новой парадигмы «общества знаний», предполагающей воспроизводство научного сообщества путем привлечения студентов и магистров к участию в научно-исследовательской работе еще во время их обучения в университетах.

Напомним, П. Бурдьё, высказываясь относительно понимания методологии как формы академизма и деятельности профессоров, вычленивших из готовых трудов других авторов правила «modus operandi», но при этом не поднимающих проблемы *ais inveniendi* (искусства изобретать), артикулировал суть противоречий между функциями академической и университетской науки. Они могут усилиться, если в обществе вокруг науки закрепится коммуникационная парадигма. Ведь приобрести научный габитус – обрести свободные привычки, освоить «активные» методы работы, которые основаны на принципах нового рационализма, можно лишь в рамках *исследовательской педагогики*, считает П. Бурдьё. Педагогический онтогенез воспроизводит в ускоренном виде филогенез научный, поэтому одной из задач современной педагогики является создание габитусов изобретательства, творчества, свободы¹⁵. Вероятно, не случайно в разных странах мира именно при университетах возникают экспертные сообщества, не обремененные разработками разного рода сомнительных заказных тем и коммерческих исследований.

Экспертные оценки и прогнозы, содержащиеся в аналитических докладах сетевых экспертных сообществ, выставляемых на рынок интеллектуальных услуг, выступают, фактически, инструментами стратегического управления, так как предлагаемые ими решения и прогнозы имеют опережающий характер. Не случайно услугами сетевых экспертных сообществ в равной степени пользуются как государственные организации, так и коммерческие и некоммерческие структуры.

В последние годы наблюдается устойчивая тенденция: международные экспертные сообщества, институционализированные вокруг разных организаций, даже если на первоначальной стадии их ядро составляли университетские ученые, постепенно «обрастают» промежуточными звеньями коммерческой направленности, приобретают статус некоммерческих организаций, встраиваются в системы фондов и т. д. Поэтому на первый взгляд экспертная среда кажется плотной, но на самом деле конкуренция носит условный характер.

В связи с этим возникает вопрос: все ли субъекты экспертно-аналитической деятельности производят качественную, основанную на достоверности и объективности информации, продукцию? В ряде случаев, и это общеизвестно, выдаваемое экспертное заключение бывает коммерчески или политически ангажированным. Кроме того, конкурентная среда задает определенные условия субъектам экспертной деятельности, так как сегодня проектная деятельность и экспертиза в сфере культуры выступают услугами, оказываемыми коммерциализованными предприятиями и организациями (разного рода инновационными центрами, фирмами, «институтами»), продающими свою научно-исследовательскую продукцию заказчикам, т. е. работающими исключительно на рыночных условиях¹⁶. Соответственно, результаты

¹⁵ Бурдьё П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio – logos'96: Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской академии наук. – М.: Socio-logos, 1996.

¹⁶ Сарафанов В. И. PR как информационно-технологическое обеспечение современных организационно-управленческих систем // Организационно-управленческие системы информационного общества: теоретические и методологические проблемы: Сборник обзоров и рефератов. – М.: ИНИОН, 2003. – С. 110–112.

коммерческих научных проектов, аналитических обзоров и пр. полезная информация редко бывают доступными для системы государственного управления, оказываясь дорогостоящими, ибо выставляются на рынок интеллектуальной собственности по завышенным ценам.

Поэтому трудно не согласиться с утверждением, что «вызов нестатусных PR-субъектов институтам официальной демократии в условиях информационного общества в первую очередь затрагивает институт госуправления»¹⁷. Полагаем, однако, что одновременно это открывает путь к осознанию необходимости инвестиций в научные исследования, к пересмотру затрат и пониманию реальной стоимости экспертной продукции, наконец, к переоценке экспертного сообщества с позиции профессиональной конкурентоспособности ученых, его составляющих. В конце концов, признание того, что ученым и управленцам зачастую приходится решать близкие задачи, но разными методами, предполагает обоюдную заинтересованность в коммуникации.

Более того, управленец нуждается в повышении своих экспертных компетенций через систему подготовки и повышения квалификации государственных служащих, нацеленную на укрепление интеллектуального ресурса власти. Ведь, с одной стороны, государственный служащий всегда выполняет роль эксперта, однако, как считает А. М. Орехов, управленческое экспертное знание – это знание особого рода в силу того, что интеллектуал, продвинувшийся по управленческой лестнице, легко отказывается от статуса «интеллектуального собственника». Естественно, он не теряет свою интеллектуальную собственность, но она, независимо от его личной оценки, превращается в нечто дополнительное и второстепенное. Практически всякий интеллектуал, добившийся успеха в деле управления, последовательно переходит в ряды более сильного оверстрата – управленцев и в конечном счете ослабляет свою интеллектуальную собственность¹⁸. Тем самым в определенном смысле обращение системы управления к помощи ученых предопределено. Однако не только в России, но и в других странах, несмотря на кардинальные изменения в обществе, соответствующие перемены в представлениях о компетентности и установках, которые требуются для эффективного управления, происходят очень медленно. Британский психолог Дж. Равен обосновывает необходимость внедрения в систему государственного управления демократии особого типа – «демократии участия», полагая, что это позволит «государственным служащим и всем членам общества проводить по собственной инициативе (через отделы исследования и развития) поисковые работы в отношении проблем, которые они выявили в процессе выполнения своих профессиональных обязанностей»¹⁹. Добавим: роль таких отделов исследования могут выполнять как коллективные агенты (к примеру, НИИ, экспертные советы и рабочие группы при них), так и отдельные ученые, признанные высоко компетентными экспертами.

Что же следует из сказанного?

Первое. Недопустимость сохранения слабой конкурентной среды, обусловленной несформированностью институциональных отношений между всеми участниками – производителями экспертной продукции, отсутствием конвенциональных соглашений.

Второе. Признание системой государственного управления важной роли экспертного сообщества и результатов его деятельности как инструмента, участвующего в системе управления сферой культуры, способствующего принятию научно обоснованных решений.

¹⁷ Сарафанов В. И. PR как информационно-технологическое обеспечение современных организационно-управленческих систем // Организационно-управленческие системы информационного общества: теоретические и методологические проблемы: Сборник обзоров и рефератов. – М.: ИНИОН, 2003. – С. 110.

¹⁸ Орехов А. М. Интеллектуальная собственность: опыт социально-философского и социально-теоретического исследования. Изд. второе, испр. – М.: URSS, 2009. – С. 119.

¹⁹ Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2002. – С. 122.

Третье. Предложение пересмотра взаимоотношений между всеми участниками экспертной деятельности – статусными и нестатусными; соотнесение ресурсов (аудит знаний, информационных, финансовых и др. ресурсов).

Четвертое. Изменение соотношения между фундаментальными и прикладными гуманитарными и культурологическими исследованиями в разных подведомственных научно-исследовательских институтах.

В целом, следует особо подчеркнуть, что прежние статусные и институциональные регулятивы отношений между научными и образовательными сообществами уже во многом устарели, слабо поддерживаются системой государственного управления, тиражируя коммуникативные модели начала 90-х гг. прошлого века.

IV. Система мотиваций культуролога при включении в экспертные процедуры

Какими факторами, помимо названных, обусловлена лабильность профессионального сообщества культурологов и искусствоведов?

Прежде всего, низким уровнем взаимодействия академической и вузовской науки о культуре; несоответствием уровня заработной платы труду ученых-гуманитариев; отсутствием понимания приоритетности прикладных разработок в деятельности этих научных коллективов. С одной стороны, результаты фундаментальных исследований определяют научную состоятельность профессионального коллектива организации, являясь «визитной» карточкой НИИ в профессиональном сообществе; с другой – фиксируют такие факторы организационно-научной деятельности НИИ, как востребованность и эффективность прикладных разработок, подготовленных профессиональным коллективом. Заметим: даже только по этим двум факторам их недопустимо считать второстепенными компонентами в системе культурологического знания, в силу чего они не могут оставаться «в тени» интересов всего научного сообщества.

Какова же сегодня реальная ситуация в аналитическо-экспертном пространстве культурологического сообщества? Ответ неутешителен. В разработке концепций развития сферы культуры, подготовке законопроектов, правовых документов как механизмов регулирования сферы и реализации культурной политики, подготовке научно-аналитических материалов по социокультурному развитию и прогнозированию культурологам участвовать не очень престижно, поскольку этот вид профессиональной деятельности существенным образом не влияет на укрепление их статуса в научном сообществе. Можно добавить: и непрактично в условиях коммерциализации научной деятельности.

Трудно представить себе, чтобы такая ситуация существовала в среде ученых-естественников, где почти каждый из признанных научным сообществом специалистов является членом экспертного совета того или иного уровня и масштаба. По сути, маргинальная ситуация, сложившаяся в нашей стране в некоторых отраслях гуманитарного знания, в том числе и в культурологии, приводит к субъективизму оценок и мнений, беспрепятственно тиражируемых властными структурами.

Отвечая на вопрос: в чем видится основная причина сложившегося отношения к разным направлениям прикладных работ, заметим, что, прежде всего, это медленная институционализация экспертно-аналитического сегмента. В итоге, экспертные советы как независимые научные структуры создаются и в общественных, и в государственных структурах крайне редко. Кроме того, инициативы со стороны власти в основном направлены на создание статусных систем, в составе которых научное сообщество представлено учеными-руководителями организаций и учреждений сферы культуры, в то время как практика показывает высокую результативность экспертных групп, формируемых на основе приоритетности не административного, а компетентностного подхода. Звание эксперта – это показатель высшего уровня признания

профессионализма ученого, позволяющего ему лично выносить оценочные суждения на публичный уровень.

Ученые, принимая приглашение на участие в работе институализированных при том или ином ведомстве структур, руководствуются своим гражданским долгом и следуют принципам этоса науки. Однако в итоге получают дополнительные, порой слабо согласующиеся с их профессиональной деятельностью, задания, поступающие из системы управления в «пожарном» режиме. При этом ученые фактически не приобретают ни так называемый социальный (статусный), ни какой иной капитал, прежде всего в силу нивелирования их авторских оценок в обобщенных материалах и установившейся традиции неперсонифицированности и непубличности экспертной деятельности. В этом – корни порой безответственных заявлений, выдаваемых за реальные прогнозные сценарии, предложения и рекомендации.

К тому же, миф о том, что быть экспертом финансово привлекательно, также несостоятелен. Ведь подготовка экспертных заключений по законодательным проектам и специальных аналитических материалов, справок о положении в той или иной отрасли, выявление проблемных зон и др. чаще всего имеет форму отдельных поручений (так называемая модель «делегирования»), либо форму заказа, получаемого организацией и соответственно распределяемого между всеми членами коллектива, зачастую без учета личностного вклада в выполнение конкретного экспертного задания или проекта. В таком случае возникает вопрос: может ли быть эффективным институт профессиональной экспертизы, основываясь только на общественных и добровольных началах?

Разумеется, вероятны разные варианты ответа. Однако в любом случае интеллектуальный труд, затраченный на создание блага (текста, содержащего изложение научной идеи, концепции и пр.), если он востребован и имеет спрос, обладает перспективой войти в сознание многих людей. Нельзя не учитывать того, что после отчуждения результатов деятельности от автора его научный продукт сохраняет авторское право и не утрачивает своей стоимости (при условии, если это не было обременено разного рода нормативными договорами и соглашениями). Результаты деятельности эксперта, лично участвующего в производстве знания, имеют определенную финансовую стоимость, которая на добровольной основе может быть компенсирована в других эквивалентах – социально-статусном или моральном. Такой подход распространен в мировой практике и вполне себя оправдывает. На наш взгляд, его можно было бы применять при взаимодействии экспертного сообщества и системы государственного управления, укрепляя систему государственно-общественного регулирования сферы культуры.

Нельзя сбрасывать со счетов фактор «двойственности», характеризующий отношение к инициированию и формированию экспертных и профессиональных общественных структур со стороны власти. Это очень верно подмечено Э. Тоффлером: «Во времена быстрых перемен, когда требуются мгновенные и нестандартные действия, выход за пределы замкнутого круга министерств или департаментов является, по-видимому, единственным способом добиться чего-либо. Это обеспечивает ответственность в принятии решений и приводит к образованию неформальных организационных единиц, а те все больше разрушают правительство, конкурируя с официальной бюрократией и истощая ее»²⁰. Но следует иметь в виду, что в случае с экспертным сообществом речь не идет и не может идти о конкуренции за управление системой, так как действия экспертов направлены на получение объективных результатов относительно объекта экспертной оценки. Тем не менее не исключено, что, при известных обстоятельствах, под давлением результатов экспертизы состояния системы управления или ее структурных составляющих единственно возможным путем решения проблем не исключает реорганизации данной системы.

²⁰ Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века / Пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ-Москва, 2009. – С. 316.

Система государственного управления и научные организации по отношению к научно-аналитической и экспертной деятельности преследуют разные цели и руководствуются разными профессиональными стандартами. Для управленцев основным является своевременное и правильное распределение заказов, качество конечного научного продукта и, соответственно, выбор компетентных исполнителей, способных обеспечить подготовку качественных аналитических и экспертных материалов в точно установленные сроки. Общеизвестно, выбор профессионалов может состояться только в условиях конкурентной среды. Каковы механизмы ее формирования?

Одним из таких механизмов мировая практика называет финансовое регулирование научной деятельности. Среди способов решения этой проблемы есть следующие: а) государство передает полностью фонды исследовательским учреждениям без дополнительных условий; б) государство предоставляет право ученым самостоятельно определять содержание программ, привлекая экспертов и отражая результаты в открытых научных публикациях; в) государство определяет приоритеты и особые исследовательские цели, но не слишком строго, при этом стимулирует деятельность ученых, предоставляя им право самим определять условия финансирования; г) государством вводится программное финансирование, предусматривающее введение контрактов между государством и исследователями; д) государство оставляет за собой только право наблюдать за работой системы, выявляя, как действуют сетевые связи и механизм идентификации приоритетов²¹.

В каждой из предлагаемых схем очевидна прямая зависимость между направленностью научно-исследовательской деятельности, качеством научной продукции и принципами финансирования. Заметим, что ключевую роль при оценке научно-исследовательских программ и решении вопроса об объемах финансирования играют независимые экспертные советы, экспертные комитеты и внутренние экспертные комиссии разного профиля (при министерствах и ведомствах на различных уровнях власти), ибо основным методом оценки эффективности научных исследований остается содержательная экспертиза, опирающаяся на специально вырабатываемые индикаторы и критерии.

В качестве эффективных индикаторов могут выступать: дифференциация экспертного сообщества по направлениям и профилю деятельности (Швейцария, Италия и Австрия). В Норвегии такие комитеты пользуются большой свободой. К примеру, в условиях привлечения к участию в управленческом и образовательном консультировании множества экспертов, в зависимости от поставленной задачи и научной дисциплины, выбор осуществляется по компетентностному критерию. Обратим внимание, что в Швейцарии в экспертизе программ участвуют университетские ученые, эксперты из частного сектора и даже представители правительственной администрации с целью достижения согласия между «научным превосходством» и «политическими соображениями»²².

Политическая неангажированность, независимость эксперта от власти – одна из центральных проблем для эксперта. Согласованное взаимодействие позволяет лицам, принимающим управленческие решения, верифицировать предлагаемые экспертные решения, осуществлять проверку их соответствия изначальной цели путем различных методов (к примеру, двойной экспертной оценки), корректируя выработанные в управленческой среде решения.

В свою очередь, системный подход к организации научно-аналитической деятельности в подведомственных НИИ позволяет использовать результаты разного рода экспертиз для периодического обновления информационных материалов, включать экспертные заключения, под-

²¹ *Потти Б., Реале Э.* Изменение моделей государственного финансирования исследований: эмпирический анализ на основе данных о финансировании проектов // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Серия 8. Науковедение: Реферативный журнал. 2008. № 3. – С. 111–112.

²² Там же. – С. 117–118.

готовленные по итогам проверок, в ежегодные национальные доклады по культуре. Однако такая практика в России пока отсутствует.

В этих условиях развитие сферы культуры, зачастую принимающее стихийный характер, взаимодействие различных субъектов на разных уровнях власти, результативность их действий зависят не только от разработанности правовой базы и финансирования, но и от множества других факторов, в частности:

от научной обоснованности, глубины и концептуальной проработанности управленческих решений, принимаемых государственными руководителями, т. е. от стратегического прогнозирования и планирования развития отрасли;

от уровня интеллектуального и морального коэффициента управленца, т. е. от владения государственными служащими современными технологиями аналитической деятельности; от их умения оценить социальную значимость принимаемых решений и желания взять на себя ответственность за последствия их реализации;

от деятельности научно-исследовательских коллективов, ученых-теоретиков, разрабатывающих методологические подходы и технологии в рамках прикладных направлений культурной политики, организующих и участвующих в подготовке программ и проектов социокультурного развития регионов;

от включенности экспертного сообщества, общественных советов и организаций в систему государственно-общественного регулирования сферы культуры и во все уровни власти.

V. Экспертная и научно-аналитическая деятельность в контексте культурной политики

Каково же содержание культурологической деятельности в процессе разработки культурной политики, путей ее формирования и выявления основных направлений?

Исходя из того, что одним из основных направлений культурной политики является определение целей и приоритетов, обеспечивающих условия для развития и сохранения культурных ценностей, участие культурологов в этом процессе видится через осуществление диагностики ситуации, анализ ресурсной базы и ее возможностей, перспектив развития социокультурной сферы в конкретный временной период. Это предполагает проведение многосторонней аналитической работы над различного рода документами, правовыми актами, официальными информационными источниками, международными документами и научной литературой; обобщение полученных данных и выявление тенденций; формулирование основных целей и приоритетов с учетом состояния внутренней и внешней политики страны. Диагностика и экспертиза социокультурной сферы, как направления прикладной культурологии, являются частью управленческой деятельности, призванной определить реальное состояние сферы культуры, в том числе его соответствие состоянию правового, экономического, информационного, технического пространства, в котором она развивается.

Разработка и поддержка инновационных программ и инициатив, соответствующих целям обеспечения доступности культурных ценностей, как стратегическое направление культурной политики, также предполагает владение методологией разработки проектных предложений и программ, включающих проведение научно-исследовательской работы, анализ основных тенденций и процессов, с учетом всех ресурсных возможностей социокультурной сферы.

Осуществление мониторинга культурной политики федерального, регионального и муниципального уровня – сложная управленческая процедура, от точности проведения которой во многом зависит эффективность и результативность культурной политики. Принимая решение о проведении мониторинга, административные структуры реализуют принцип открытости управленческой деятельности. Это один из оптимальных путей повышения качества

культурной политики, создания полноценной базы данных, позволяющий выявить динамику удовлетворения культурных потребностей населения и уровня качества жизни. Общеизвестно, что неполнота и неточность информации, более того, ее отсутствие по ряду параметров или на одном из уровней, искажают общую картину социокультурной ситуации. Если на федеральном уровне анализируются общие тенденции и процессы, состояние культуры в стране в целом, то для получения достоверной картины социокультурного развития региона или локальной территории целесообразным представляется использование многообразных методов, позволяющее учитывать влияние общего контекста и возможных внутренних изменений. Тем самым мониторинг как инструмент культурной политики раскрывает ее результативность и динамику, тенденции и перспективы развития местного сообщества.

Проведение научных исследований и экспертной деятельности, как уже неоднократно подчеркивалось, является специальной сферой приложения профессиональных культурологических знаний, обеспечивающей современный уровень представляемым обществу концепций культурной политики и других официальных документов в сфере регулирования социокультурных процессов. Результаты научно-экспертной деятельности раскрывают степень соответствия культурной политики конкретным целям и основным мировым тенденциям. Проведение же специальных научно-исследовательских разработок по определенной тематике, имеющих выход в социокультурную практику, инициируют появление инновационных идей и выступают основанием для внесения изменений в стратегию культурной политики всех уровней.

Однако вопрос об участии ученых в постановке целей государственной культурной политики не представляется окончательно решенным. Должны ли ученые включаться в систему взаимодействия с властью в современных условиях, если со времен М. Вебера идеальной ситуацией для гуманитарных наук была их политическая нейтральность?

По мнению исследователей, «повседневные представления о политике и научные концепции пересекаются: политики говорят то, что хотят слышать люди, и они уверены, что знают истину, так как ученые уже нарисовали им объективную картину общественных настроений»²³. Значит, прав М. Фуко, утверждающий, что никто и ничто не может быть вне власти, ибо власть – структурная особенность всех человеческих отношений? Но если власть заинтересована в объективных и беспристрастных гуманитарных исследованиях, то в чем конкретно выражается эта заинтересованность?²⁴ И это уже иная проблема – проблема востребованности культурологов в обществе.

Природа же создаваемых учеными теорий такова, что ставит под сомнение господствующие идеологические системы, т. е. идеологию как «ложное сознание» – средство манипуляции социумами. И, как показывают многие исследования, фокус, направленный на анализ современной социокультурной реальности, позволяет составить о ней то самое объективное и беспристрастное впечатление, на котором и настаивал М. Вебер²⁵, при этом исключая политические оценки бесконечных колебаний – от признания мобилизующей силы идеологии до опасности новой мифологизации в условиях идейного плюрализма.

На наш взгляд, методы культурологического исследования позволяют ученому подойти к познанию разных сторон мира в их целостности. Современные философско-культурологические теории показывают, что его многообразие и сложность не могут быть управляемы и впи-

²³ Бунджулов А. Ученый и власть (реферат) // Социальные науки в странах Центральной и Восточной Европы на рубеже веков: сборник статей, обзоров, рефератов. – М.: РАН ИНИОН, 2004. – С. 81.

²⁴ Размышления М. Фуко на эту тему содержатся в его работах «Субъект и власть», «Интеллектуал и власти», включенных в сборник статей: Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3. Статьи и интервью. – М.: Праксис, 2006. – С. 161–212.

²⁵ Макс Вебер писал о том, что существенное содержание любой исторической оценки составляют «знания» о возможных соотношениях к ценности, что предполагает «способность – хотя бы теоретически – изменять “точку зрения” по отношению к объекту. Обычно говорят, имея в виду, что нам надлежит “объективно оценить” какое-либо событие, прежде чем оно в качестве объекта “войдет” в историю, но это именно ведь не означает, что оно может оказать каузальное “воздействие”». См.: Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 459.

саны в жесткие рациональные рамки. В этом и заключается одна из сложнейших задач концептуальной разработки инновационных моделей культурной политики, которая осуществляется на основе диагностики мировых социокультурных процессов, экспертных оценок состояния культурной жизни страны, соотношения культурных интересов, потребностей разных групп населения с реальными возможностями сферы культуры в условиях культурного разнообразия и т. д.

Существует еще один пласт проблем, с которым приходится сталкиваться ученому при включении его в экспертное сообщество для разработки концепции культурной политики. Дело в том, что национальная культурная политика, как правило, рассматривается в культурологических работах в управленческом измерении, т. е. в прикладном аспекте. Связан ли подобный подход с традицией, сложившейся в отечественной научной практике, или же в этом видны последствия рассогласований между политикой, экономикой и культурой, остаточные явления «экономического» и «политико-идеологического» детерминизма, нестабильность научных коммуникаций, нашедших выражение в противоречиях, представленных в следующих группах?

1. Образовавшиеся когнитивные разрывы между теорией и практикой.

С одной стороны, культурологическое сообщество создает многочисленные теоретические концепции и концепты, учитывая динамику современных тенденций и процессов. Результаты научной деятельности формируют масштабную научно-теоретическую базу, без учета которой культурная политика любого субъекта (актора) системно нереализуема. С другой стороны, культурологические исследования, имеющие для управленческой практики несомненно важнейшее значение, в силу разных причин – «непрозрачности» ученых для управленцев, малых тиражей трудов культурологов (как академических, так и вузовских), а главное – слабых коммуникативных связей (ограниченный круг дискуссионных площадок и журналов) – уже на стадии создания нивелирует ряд операций, связанных с разработкой стратегических концепций и принятием конкретных управленческих решений.

2. Имеющие место расхождения в целеполагании в управленческой и экспертной деятельности.

С одной стороны, возникает вопрос о научной экспертизе качества российского государственного управления, о необходимости обновления методологических аспектов государственной культурной политики и культуре принятия государственно-управленческих решений. С другой стороны, этот вопрос касается содержательных, ценностно-смысловых оснований культурной политики; по сути, речь идет об экспертизе идей, пронизывающих официальные документы.

3. Отсутствие упорядоченной системы коммуникаций.

Казалось бы, технологии управленческих решений, включающие несколько обязательных этапов (от выбора цели, или ценностного целеполагания, через проектирование, принятие и согласование интересов, учета общеполитических и социальных тенденций до реализации государственно-управленческих решений (государственных политик)), столь рациональны, что их ничто не может поколебать. Однако, если государственную культурную политику рассматривать исключительно в управленческом измерении, то концептуализация идей культуры в российском обществе и выбор целей социокультурного развития – это не локальная задача, лежащая в границах интересов какого-либо одного ведомства (Минкультуры, Минобразования и науки, Минрегиона, МИД и т. д.), это стратегическая задача для всего общества.

В контексте обозначенных проблем напомним, что в используемом нами определении национальной культурной политики центральным аспектом является деятельность государства, базирующаяся на концептуально оформленных и научно обоснованных взглядах и принципах, соответствующих определенным ценностно-смысловым основаниям, целям и приоритетам. На их основе в тесном сотрудничестве ученых и управленцев-практиков разрабаты-

вается и реализуется комплекс разного рода программ и проектов, имеющих стратегическое значение для социокультурного развития страны (региона, локальной территории и т. д.). В этом смысле нельзя не согласиться с утверждениями Дж. Дьюи, что «универсальность и определенность встречаются только в области, лежащей за пределами опыта, в области рационального и концептуального»²⁶.

Таким образом, содержание экспертно-аналитической деятельности культурологов в процессе разработки концепций культурной политики, путей ее формирования и выявления стратегических направлений включает: осуществление диагностики и оценки гуманитарных ресурсов и социокультурной сферы в целом, анализ социокультурной ситуации; определение реального состояния инфраструктуры культуры; разработку перспективных и инновационных моделей и сценариев развития социокультурной сферы; экспертизу инновационных программ, проектов и инициатив; аналитическую работу с документами, правовыми актами, официальными информационными источниками, международными документами и научной литературой; осуществление мониторинга культурной политики федерального, регионального и муниципального уровня; обобщение полученных данных и выявление основных тенденций; формулирование основных целей и приоритетов с учетом состояния внутренней и внешней политики страны.

Разработка теоретических оснований, проведение научных исследований в сфере культуры, экспертиза социокультурных проектов и программ являются специальными сферами приложения профессиональных научных культурологических знаний, обеспечивающих современный уровень концептуализации стратегий культурной политики.

Подводя итоги нашего исследования, подчеркнем, что среди актуальных направлений, требующих продолжения исследования проблемы экспертно-аналитической деятельности культурологов, можно назвать разработку современных методологических подходов к проведению экспертизы социокультурных проектов и программ; формирование в общественном мнении и в структурах власти отношения к экспертизе как патронажу национальных культурных ценностей; анализ правовых оснований для осуществления экспертной деятельности в системе управления сферы культуры.

В условиях демократических преобразований и внедрения системы государственно-общественного регулирования социокультурного развития экспертно-аналитическая деятельность, обеспечивающая современный уровень представляемым обществу результатов экспертиз, оценок теоретических разработок, лежащих в основе концепций культурной политики, других официальных документов, должна стать приоритетным направлением профессиональной деятельности российских культурологов.

²⁶ Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека / Пер. с англ., послесл. и примеч. Л. Е. Павловой. – М.: Республика, 2003.

Культурологическая экспертиза в процессах социального контроля и управления

А. Я. Флиер

Мы живем в эпоху, когда некоторые экономически развитые сообщества уже осуществили переход от индустриальной к постиндустриальной/информационной стадии развития, а ряд сообществ (в том числе российское) находятся в процессе такого перехода. Социально-деятельностные последствия этой технологической трансформации среди многих иных эффектов дают и такой результат, как существенное повышение значимости культуры как стимулятора социальной активности людей²⁷. За последние полвека заметно возросли по объему и углубились по интенсивности культурные интересы населения, устремления людей к той или иной форме культурного самовыражения (разумеется, в более широком смысле, нежели узкое, отраслевое понимание культуры, сводимое только к художественно-досуговой сфере). Оно принимает как пассивные формы – поклонники, фанаты, зрители, болельщики и пр., так и активные – любительское музицирование, занятия танцами, спортом, участие в карнавалах, спортивный и культурный туризм и т. п. Причем нужно подчеркнуть, что это – формы массового увлечения, охватывающие десятки, а то и сотни миллионов людей.

Разве в первой половине XX века можно было себе представить что-либо подобное современным движениям спортивных болельщиков, битломанов и иных музыкальных фанатов, киноманов, Интернет-блогеров, панков, готов, эмо и т. п.? Конечно, немалую роль здесь играют и возросшие технические возможности аудио– и видеозаписи, связи, транспорта, туристической индустрии, СМИ и т. п. Но это в существенной мере является социокультурным результатом перехода на постиндустриальную стадию развития и заметно возросшей актуальности культуры как формы социальной самореализации современных людей. Эти культурные интересы принимают порой и откровенно деструктивные формы – рост ксенофобии, религиозного фанатизма, политического (а на самом деле культурного по своим основаниям) терроризма. Акции сопротивления традиционной культуре, вытесняемой с социальной площадки актуальной культуры в «музейную резервацию», становятся все более жесткими. Так или иначе, но люди все больше и больше начинают проявлять социальную активность не только по экономическим и политическим причинам, но и движимые теми или иными ценностными установками и устремлениями, желанием манифестировать свою культурную идентичность или опасениями за то, что этой идентичности угрожает опасность²⁸.

В этих условиях радикально возрастает значимость использования культуры в качестве инструмента социального контроля и управления, возможности по эффективному и продуктивному использованию культурно-ценностных факторов жизни и тяготений людей для стимулирования их социальной активности в желательном направлении.

Но следует определиться в том, что же такое социальный контроль и социальное управление.

Под этими понятиями имеются в виду управленческие процедуры по:

– экспертизе параметров различных социальных и культурных процессов, имеющих место в изучаемом обществе;

²⁷ См. об этом: Флиер А. Я. Какой будет культура в XXI веке: аналитический прогноз//Обсерватория культуры. – 2010. – № 4.

²⁸ Бывший президент США Билл Клинтон как-то остроумно заметил, что холодную войну выиграл Элвис Пресли. Это представляется очень точным наблюдением. В размытии советской идеологической системы огромную роль сыграла западная массовая культура, которой советская идеология не могла противопоставить ничего эквивалентного по степени влияния на сознание людей.

– диагностированию наиболее важных социальных и культурных проблем, актуальных для современного состояния общества;

– разработке проектов и программ по решению этих социальных и культурных проблем и по предвидению социокультурных последствий принимаемых решений в рамках общего социального управления.

Важно учитывать и то, что в данном случае речь идет об узконаправленной экспертизе развития именно социокультурного состояния данного общества (содержание этого понятия будет объяснено ниже), диагностировании имеющихся проблем именно на основании анализа его социокультурных проявлений и программировании его развития именно в социокультурном аспекте. Следует подчеркнуть, что эти задачи не имеют прямого и непосредственного отношения к решению проблем собственно культурной жизни общества в ее административно-отраслевом смысле – художественной практике, охране культурного наследия, библиотечному и архивному делу, организованному досугу. Т. е. это не относится к проблемам функционирования культуры как государственной отрасли по обеспечению организованного досуга населения, руководимой Министерством культуры, его региональными и муниципальными структурами и проводимой ими культурной политике. Отраслевые проблемы культуры – это предмет особого рассмотрения. Здесь же речь идет о внимании к культурной составляющей любых социальных практик, имеющих место в обществе²⁹, выступающей показательным симптомом удовлетворительного или неудовлетворительного состояния дел в социокультурном состоянии общества в целом, имеющей прямое отношение к общесоциальной и общекультурной эффективности процедур и результатов социального управления. И инструментарий по аналитическому, а порой и практическому решению обнаруженных проблем также изыскивается в социокультурных потенциях этого общества.

Под социокультурным состоянием общества имеется в виду набор характеристик и признаков, свидетельствующих о том, в какой степени данное общество управляемо не только средствами административного контроля и принуждения, насилия или угрозы его применения, а также путем «игры» на экономических интересах граждан, но и методами, которые с известной долей условности можно назвать «идеологическими». Разумеется, в данном случае имеются в виду не политическая идеология, а те или иные способы инициирования и стимулирования добровольного социально адекватного поведения населения, в основе которого лежит желание людей действовать в соответствии со своим базовыми и текущими актуальными ценностными установками (нравственными, патриотическими, религиозными, политико-идеологическими, теми или иными соображениями социальной солидарности и пр.). А также то, насколько это «идеологическое» управление, основанное на доминирующих ценностных ориентациях, функционирует в режиме стихийного самоуправления данного общества. Классическим примером такого управления (в форме самоуправления) является этнический обычай, ныне в своих традиционных формах уже фактически исчезнувший из жизни современных мегаполисов. Определение того, насколько общество готово и стремится жить по нормам своих ценностных установок, и того, как практически проявляется такая готовность, и есть предмет социокультурной экспертизы и диагностирования социокультурного состояния общества.

Естественно возникает вопрос: в какой мере могут быть достоверными такая экспертиза и диагностирование и насколько может оказаться эффективным управленческое программирование, основанное на результатах этой экспертизы и диагностики?

Мы полагаем, что степень достоверности и эффективности этих процедур достаточно высока для того, чтобы развивать подобную практику и даже сделать ее обязательной составляющей любой общесоциальной управленческой деятельности. В своей уверенности мы исходим

²⁹ Такое понимание культуры прекрасно аргументирует И. М. Быховская. См.: *Быховская И. М. Прикладная культурология: знание в действии* // *Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований*. – М.: Смысл, 2010.

из фактов, уже давно установленных общественными науками и свидетельствующих о том, что любые социальные состояния общества и общественного сознания (вплоть до мелких нюансов) и любые изменения в этом состоянии обязательно получают отражение в чертах и событиях культурной жизни этого общества и могут быть выявлены на основании анализа динамики этих культурных изменений. Вопрос лишь в том, чтобы точно сформулировать вопросы, ответы на которые интересуют исследователя, выбрать правильный алгоритм исследования и установить надежные критерии того, что с чем сравнивать и на основании каких показателей делать выводы.

Попытаемся очертить круг таких вопросов. Прежде всего, это установление:

а) степени удовлетворенности населения:

- параметрами модели социальной справедливости, реализуемой в данном обществе в настоящий момент (уровнем экономического благосостояния разных слоев, социальным патронажем со стороны власти, доступности образования, возможностей для социальной самореализации, эффективностью социальных лифтов и т. п.),

- уровнем политической и идеологической свободы (свободой слова, собраний, печати, информационной деятельности, политической деятельности, свободой совести, идеологическим плюрализмом, характером официальной идеологии, национальной политикой и др.),

- особенностями культурной жизни, преобладающей в этом обществе в исследуемый период (степенью ее традиционности и новационности, соответствием мировым тенденциям, культурной политикой государства, заботой о сохранении исторического культурного достояния, политикой в области развития искусств, доступностью и разнообразием культурных мероприятий и т. п.);

б) степени оптимистичности общественных настроений в областях:

- социально-экономического состояния страны и его развития,

- ожидаемой динамики политико-идеологической ситуации в стране,

- возможностей получения образования и социального роста человека,

- возможности индивидуальной социокультурной самореализации человека в существующей ситуации;

в) обеспеченностью возможностями для отдыха и проведения досуга и разнообразием таких возможностей, проявляемых в:

- доступности информации, интересности работы СМИ и уровнем доверия населения их сообщениям,

- доступности и интересности продуктов художественной культуры, как актуальной, так и исторической, национальной и зарубежной,

- доступности туристических программ,

- доступности спортивных и спортивно-зрелищных мероприятий,

- доступности иных площадок проведения досуга (ресторанов, клубов, дискотек и пр.),

- доступности различных видов социокультурной самореализации (занятий физкультурой и спортом, участия в музыкальной, театральной, художественной и иной непрофессиональной творческой деятельности, участия в движениях болельщиков, поклонников, фанатов и т. п.),

- а также некоторых иных, менее значимых.

Далее возникает вопрос о том, что нужно подвергнуть исследованию и измерению для того, чтобы получить ответы на интересующие нас вопросы? На основании каких данных мы сможем делать аргументированные выводы о состоянии интересующих нас социальных параметров общества и степени актуальности тех или иных социальных проблем?

Такую информацию нам может дать анализ статистических данных по интенсивности культурной активности населения и рассмотрении этих данных под углом зрения того, как те

или иные изменения в социальных условиях жизни людей влияют на интенсивность их культурной активности.

Это данные по:

- частоте посещений культурных учреждений (музеев, библиотек, концертов, театров, кинотеатров и т. п.), а также спортивных соревнований (которые в данном контексте тоже рассматриваются как явления культуры);
- частоте активного участия в каких-либо культурных мероприятиях (культурном туризме, массовых празднествах и пр.);
- частоте обращений в СМИ (включая Интернет) с изложением своего мнения, оценок, суждений по поводу тех или иных культурных событий;
- частоте участия людей в каких-либо формах самодеятельного художественного творчества (главный признак самодеятельного характера творчества – его бесплатность, некоммерческий характер) и занятии спортом;
- развитию и степени массовости участия людей в разного рода движениях поклонников, болельщиков, фанатов каких-либо культурных явлений;
- динамике продаж книг (художественной литературы), аудио– и видеозаписей т. п.

Совершенно очевидно, что благоприятная социальная ситуация в обществе должна вести к росту этих показателей (или по крайней мере их стабильности), а неблагоприятная – к понижению. Разумеется, сами по себе цифры, характеризующие все эти параметры, еще не дают основания для интересующих нас выводов. Здесь важна динамика этих показателей на протяжении нескольких лет, что показывает доминирующие тенденции в развитии культурной, а, следовательно, и социальной жизни общества.

Эта динамика должна быть соотнесена с динамикой экономических показателей уровня жизни, политическими событиями, вызывавшими значительный социальный отклик, значимыми событиями культурной жизни, могущими как-то влиять на эти показатели. Кроме того важно учитывать и социальную многослойность общества, и уровень различий в культурных предпочтениях разных слоев, а значит, по возможности, проводить статистические исследования дифференцированно по разным слоям населения, национальным диаспорам, профессиональным группам.

Что все эти знания могут нам дать с точки зрения экспертизы социального состояния общества и общественного сознания?

Прежде всего, это дает общие представления о степени актуальности для населения проявлений разного рода культурной активности при существующих условиях жизни. Достаточно ли у людей:

- свободного времени, чтобы тратить его на культуру,
- свободных средств на это (культурные блага стоят денег),
- эмоциональных установок на активную культурную жизнь при существующих социальных и политических обстоятельствах.

И здесь важен в первую очередь анализ динамики роста или спада этой готовности населения к культурной жизни. Конечно, особенной важностью обладает дифференцированный анализ этих данных по социальным слоям, отдельным социальным группам, отдельным культурным группам, молодежным движениям, группам поклонников и т. п. Эта динамика дает возможность выявить положительные или отрицательные тенденции удовлетворенности общества состоянием и возможностями своей социальной жизни и тенденции в изменении уровня оптимистичности общественных настроений. Понятно, что при неблагоприятной направленности динамики социальной удовлетворенности населения и его социальных ожиданий вряд ли будет наблюдаться рост статистических показателей степени культурной активности населения. Людям будет просто не до этого.

Но все это позволяет установить лишь общую направленность динамики общественного сознания. Для проведения диагностики конкретных социальных проблем, актуальных в данный момент для общества, требуется уже дифференцированный анализ содержательных предпочтений общества по тем или иным культурным продуктам, предлагаемым ему. Это позволит выявить помимо общих тенденций моды и такие показатели, как:

- рост или понижение религиозности в настроениях общества,
- рост или понижение уровня национальной толерантности,
- рост или снижение уровня лояльности общества к официальной идеологии,
- рост или снижение уровня патриотических настроений и интереса к национальной истории,
- рост или снижение определенности в национальной, политической и иной самоидентификации разных групп населения и т. п.

Еще один важнейший аспект такого диагностического исследования – это анализ динамики изменения всей композиции оснований социальной солидарности людей, причин, по которым возникают их устойчивые коллективные объединения – социальные, этнические, религиозные, политические, культурно-досуговые, по увлечениям и т. п. Для сообществ, находящихся на разных ступенях социального развития, естественно, иерархия таких оснований будет существенно различаться, так же, как и динамика развития этой системы оснований солидарности. У архаизированных обществ будет выше значимость традиционных исторических оснований солидарности (сословных, религиозных, обычаев соседства и др.), у более развитых – актуальными будут современные основания солидарности (правозащитные, экологические, по культурным впечатлениям и пр.)³⁰. По доминирующей композиции таких оснований и наблюдаемым тенденциям ее изменения можно определить множество важнейших параметров социального состояния изучаемого сообщества и соответствующей динамики.

Как исследовать ситуацию с типами солидарности в изучаемом обществе? Прежде всего, как представляется, и эта проблема исследуется только через анализ динамики своего развития, повышения значимости одних и понижения значимости иных типов солидарности на протяжении какого-то выделенного отрезка времени (5, 10 или более лет). Очевидно, основным источником информации по этой динамике должны стать СМИ. Именно по их сообщениям на протяжении нескольких лет можно составить представление о том, какие типы солидарности поднимаются в частоте и интенсивности своих проявлений (как в социальных движениях, так и в чисто культурных акциях). Наблюдается ли определенная архаизация социокультурных устремлений и типов солидарности населения, что проявляется в характерных культурных акциях и движениях националистического, клерикального и иного традиционалистского характера? Или, наоборот, доминируют тенденции соответствия или подтягивания к нормам солидарности, характерной для постиндустриальных обществ, модернизации имеющейся композиции типов солидарности в сторону усиления самых молодых ее типов? Например, социального волонтерства, пацифистской или экологической активности. В данном случае не дается какая-либо оценка того, какие типы солидарности «хорошие», а какие «плохие»; это все сугубо ситуативно, но ясно показывает актуальную векторную направленность развития общественного сознания.

Изучение актуального состояния социальной солидарности и ее динамики является важнейшей составляющей всей работы по экспертизе и диагностике социокультурного состояния общества. Именно статистические данные по динамике культурной активности населения и данные по динамике актуальных типов его солидарности должны стать эмпирической осно-

³⁰ Об этом см.: Костина А. В., Флиер А. Я. Куда история влечет культуру (от «общества концертирующих» к «обществу репетирующих») // Костина А. В., Флиер А. Я. Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса. – М.: Сogласие, 2011.

вой для диагностических выводов о наиболее существенных проблемах, наблюдаемых в социокультурном состоянии общества, и причинах возникновения этих проблем.

Исследование динамики культурной активности населения в своих количественных показателях дает общую картину динамики удовлетворенности общества социальными условиями жизни, а в своих дифференцированных качественных показателях свидетельствует о том же применительно к разным социальным слоям. Исследование динамики социальной солидарности показывает основную векторную направленность путей развития ситуации, наблюдающейся в настоящее время. На основе соотнесения всех этих данных мы можем провести более или менее достоверную диагностику социокультурного состояния общества и направленности его динамики.

Каким же образом это знание может быть использовано в интересах социального управления?

Прежде всего, определимся, в чем состоит сама процедура социального управления. Ее можно разделить на три этапа:

- 1) прогнозирование, проектирование и программирование намечаемых действий,
- 2) практическая реализация намеченного проекта,
- 3) анализ достигнутых результатов и внесение корректировок в дальнейшее осуществление проекта.

Мы позволили себе исключить подробное рассмотрение второго этапа, всвязи с ограниченностью рамками заданного объема коллективной монографии, кроме того нас интересуют именно причины и следствия, а не инструменты. В связи с этим, ограничимся рассмотрением первого и третьего этапов и роли знания о социокультурном состоянии общества в их осуществлении.

Первый этап – прогнозирование, проектирование и программирование намечаемых действий.

Определимся с основными понятиями, что позволит нам яснее понять наши возможности:

– прогнозирование – это формирование теоретического (гипотетического) представления о наиболее вероятном развитии ситуации в интересующем нас вопросе, как в варианте его стихийного развития, так и в варианте нашего волевого вмешательства, и гипотетическое определение того, насколько может быть эффективным это вмешательство;

– проектирование – это определение как основных содержательных, так и побочных целей намечаемого проекта, его основных задач и алгоритмов осуществления, учет имеющихся ресурсов и совокупности внешних обстоятельств, в которых предстоит осуществлять проект, а также критериев, на основании которых можно будет судить о степени успешности его осуществления;

– программирование – это составление поэтапной программы осуществления проекта, с определением сроков, исполнителей и ответственных, а также контрольных результатов реализации того или иного этапа.

Использование данных о социокультурном состоянии общества может быть высокоэффективно на этапах прогнозирования и проектирования для решения целого ряда задач.

Во-первых, для составления четкого представления о социокультурной ситуации, в которой предстоит осуществлять данный проект, вероятных результатов ее стихийного развития и возможностях как-то повлиять на это развитие, проведения своеобразной «рекогносцировки на местности», т. е. учета всей совокупности социокультурных обстоятельств, от которых предстоит отталкиваться в целях изменения имеющейся ситуации.

Во-вторых, для четкого определения социальных целей проекта, которые выстраиваются и обретают системный характер только при сопоставлении с исходной ситуацией, которую необходимо изменить, и ради достижения которых и предпринимаются эти действия.

В-третьих, для учета имеющихся социокультурных ресурсов, в число которых входят не только непосредственные ресурсы (люди и средства), но и ресурсы, которые можно назвать косвенными, – интересы, настроения, ценности и пр. людей, которых намечено привлечь к делу; интересы, настроения и ценности социальной среды, в которой будет осуществляться проект.

В-четвертых, для составления четкого и системного представления о тех социокультурных результатах (не о теоретических целях, а о конкретных результатах), которые необходимо достичь в результате осуществления данного проекта, и способа установления и измерения их успешности.

В-пятых, для заблаговременного прогнозирования возможных путей дальнейшей модернизации проекта, после достижения основных целей, намечаемых сейчас.

Совершенно очевидно, что проведение социокультурного диагностирования, о котором речь шла выше, может дать существенный объем информации об имеющейся социокультурной ситуации, который может быть положен в основу необходимого прогнозирования и проектирования. Именно этот диагноз и должен стать фактологическим основанием для разработки проектов по исправлению наблюдаемой ситуации и подсказать важнейшие цели и пути намечаемых изменений.

Третий этап – анализ достигнутых результатов и внесение корректировок в дальнейшее осуществление проекта.

Здесь значимость использования алгоритма социокультурной диагностики определяется тем, что достоверный анализ достигнутых результатов в осуществлении проекта может быть исполнен главным образом путем проведения повторной диагностики (может быть, в сокращенном объеме), которая и должна показать, какие изменения в сравнении с предшествующим состоянием достигнуты, насколько эти изменения существенны, произошли ли они стихийно или в результате осуществления данного проекта. Но самое главное, повторная диагностика должна показать, какие проблемы не удалось решить при осуществлении данного проекта и какие проблемы появились в качестве новых (порой спровоцированные процессом реализации данного проекта), на основании чего и должны будут внесены соответствующие коррективы в программу осуществления проекта.

И, наконец, следует еще упомянуть о возможности использования данных, полученных при диагностике социокультурного состояния общества при проведении экспертиз различных социальных проектов на предмет их «культурной приемлемости» и «культурной безопасности» для общества в его имеющих место социокультурных параметрах. Такие оценки временами делаются, хотя они и не имеют широкого распространения в отечественной управленческой практике. Но даже в случаях, когда такая культурологическая экспертиза бывает востребована, она, как правило, делается на основании общих профессиональных (общекультурных) знаний эксперта и его интуитивных ощущений по предмету экспертизы. Никаких специальных исследований в целях получения фактурных оснований для осуществления подобной экспертизы, как правило, не проводится (у нас просто нет традиции в проведении таких исследований).

Таким образом, можно сделать заключение о том, что диагностика социокультурного состояния общества, проводимая на основании анализа культурной активности населения (и количественной, и качественной), представляет собой важнейший элемент современного социального управления, который может заметно поднять эффективность и продуктивность этого управления и имеет очень большие перспективы. И проводить такую диагностику на долж-

ном качественном уровне могут лишь подготовленные специалисты – культурологи. Проблема только в получении социального заказа на такие исследования.

Креативные технологии принятия решений в гуманитарной экспертизе

Г. Л. Тульчинский

По своей сути и содержанию гуманитарная экспертиза, как, впрочем, и любая экспертиза, является процедурой оценки, для осуществления которой необходимы «база сравнения» – то представление, явление, с которым будет сопоставляться предмет экспертизы, а также собственно процедура такого сравнения. Поэтому обычно экспертные заключения формулируются на основе сравнения действий, проектов, содержания текстов и т. д. с некими нормативными образцами, задаваемыми в правовых документах (законах, подзаконных актах), данных науки, нормах (писанной или не писанной) морали... В этом случае экспертное решение существенно облегчается. Эксперту достаточно подвести соответствующую нормативную базу, продемонстрировать сравнение и его результаты и вынести соответствующую оценку.

В зависимости от конкретных технологий выработки экспертного решения можно различать две основные группы методов экспертизы: формализованные и интуитивные. В первом случае используются жестко упорядоченные процедуры (алгоритмы) выработки решения: инструкции, программы – вплоть до формализованных математических методик. Формализованные методы опираются на использование инструктивных документов (особенно в финансовой сфере), математического прогнозирования и моделирования (экспоненциального и адаптивного сглаживания, наименьших квадратов и т. д.).

К интуитивным методам выработки экспертного решения приходится прибегать при отсутствии образцов, алгоритмов, когда экспертам приходится опираться на собственный личный профессиональный опыт. Известно шутовое определение интуиции как смеси нахальства с опытом. Если использовать более респектабельную терминологию, то речь идет, соответственно, об амбиции и эрудиции эксперта. И давно замечено, что недостаток опыта (эрудиции) может компенсироваться амбициями. Также давно отмечено, что по мере роста знаний и опыта амбиции сокращаются – впору говорить о «законе сохранения интуиции». Если же говорить серьезно, то интуитивные методы не обязательно являются выражением личных пристрастий и привычек. Они также могут быть упорядочены, соотносить опыт различных специалистов и экспертов. Примером такого упорядочения могут быть совещания, семинары, экспертные оценки, конференции, аналитические записки, опросы, мозговые штурмы. Интуитивные и формализованные методы могут сочетаться и дополнять друг друга, например, в поисковых и апробационно-поисковых деловых играх.

В этой связи следует подчеркнуть, что специфика гуманитарной экспертизы, как уже неоднократно отмечалось ранее, связана с ее комплексным, междисциплинарным характером, а также специфичностью собственно гуманитарного знания. И действие этих факторов может порождать ситуацию, когда у экспертов может отсутствовать нормативная база. В этом случае они будут вынуждены принимать не просто интуитивное, а творческое (креативное) решение. Можно сказать, что в таких случаях проявляется самая существенная и проблемная сторона гуманитарной экспертизы.

Все, что ни происходит в человеческом обществе, есть результат личных усилий, вне зависимости от того, сознают ли это сами личности, вовлеченные в плетение ткани жизни. Звучит это на грани банальности, но каждый человек обречен от рождения на творчество самим фактом своего бытия. Без личности, без индивидуальных сил немыслимы ни действие закона, ни научная истина, ни творчество политической идеи, ни обнаружение и творение красоты. Правопорядок, закон, идея не существуют и не действуют сами по себе.

В обыденном сознании культура и творчество часто отождествляются. Достаточно вспомнить расхожие газетные штампы типа «сфера культуры и творчества», «культура и искусство» и др. Однако, соотношение культуры и творчества не так просто. В самом деле, творчество сознательная или бессознательная деятельность? Оно планируемо и управляемо или стихийно-спонтанно и произвольно? В первом случае оно явно связано с реализацией норм культуры, во втором – преимущественно с нарушением их, иногда даже помимо воли творца. И вообще, является ли творчество обязательным моментом культуры или чем-то необязательным?

Все, что ни создает человек – есть результат и следствие внутренней работы его ума и души, но реализуется это вовне только в поступке. А значит – всегда связано с самоопределением личности, ее свободным и ответственным выбором. Вопрос только в том, ответом на что является сам поступок, а главное – его мотивация? Кто или что вызывает ответный звук души? Чем бы ни был этот «побуд» к творчеству обусловлен – окликнутостью Богом, социальным призванием, напором жизни и воли – он всегда принимает культурные формы. Творчество культурно, а культура держится творчеством, им питается: как в поддержании старых норм и ценностей, так и в создании новых. Культура как языческий идол требует «человечины», свежей крови и молодых жизней. И чем более «культурна» культура, тем с более жесткой средой традиций приходится сталкиваться творческой личности.

Как отмечал Ю. М. Лотман, творчество подобно магме, с огромным трудом и тратами энергии прорывающейся сквозь уже застывшие пласты и напластования, но лишь для того, чтобы излившись – застыть новым слоем. И следующим творцам будет еще труднее. А новое осмысление и его реализация необходимы. В меняющемся мире старые культурные формы лишь почва, необходимая для взращивания и отталкивания. В этом плане творчество вненормативно, если не антинормативно. Оно по своей природе есть изменение, преодоление норм, как минимум – отклонение от них: непослушание и неподчинение. Священное Писание молчит о творчестве. Вообще, отличить творчество от его зеркального двойника – негативной социальной девиации – чрезвычайно трудно. Не случайно современники нередко и не проводят грани между поведением преступника и творца, расценивая деятельность последнего как преступление против нравственности, религии или как нарушение закона, а то и как болезнь. История полна примерами расправы благородных, но неблагодарных современников и соплеменников над творцами, по прошествии времени торжественно вводимыми в пантеон святых.

Следует помнить, поэтому, что творчество желательно далеко не во всякой культуре. Да и большую часть человеческой истории занимают так называемые «традиционные» культуры, жизнь которых целиком определялась верностью традиции, «тиражируемой» каждым новым поколением. Всякое отклонение от традиционных норм и правил в таких обществах безжалостно пресекалось, а «творцы» либо изгонялись, либо подвергались жестокому репрессиям. Резким ускорением развития цивилизация обязана культуре, сложившейся в русле иудео-христианской традиции с ее особым вниманием к личности, ее свободе, а значит и творчеству. Именно, а может быть и только в этой культуре, которая до сих пор определяет лицо современной цивилизации, ориентированной на преобразование окружающего мира, творчество рассматривается как ценность. Более того, в культуре современной цивилизации складываются институты, само существование которых нацеленно именно на творчество: творческие союзы, научные институты, политические партии и др.

Трагедия взаимоотношения творчества и культуры в том, что их отношения несимметричны. Современной культуре творчество необходимо, но творчество не может рассчитывать на культуру, а должно преодолевать ее, становясь новой культурой. Свои силы оно может черпать только в человеческой свободе и человеческом сердце – на культуру ему рассчитывать не приходится. То, что делается в расчете на культуру – не творчество, а репродукция, и – парадоксальным образом – не нужно культуре, губительно для нее. Как вампиру ей нужна свежая

кровь, напряженное биение живого сердца, а не мертвые отработанные общие формы. Культура программирует личность, стремится сделать типичными не только поведение личности, но и ее сознание, мышление, чувства. Нормативность и типичность необходимы для творчества в том смысле, что их нельзя обойти. Типы сводят образное к легко распознаваемому, типичному. В искусстве это типичные образы, выражающие конкретные этнические, национальные, классовые, возрастные особенности. В науке – это математический аппарат, позволяющий сводить явление к абстрактным законосообразным объяснениям.

В творчестве, однако, существенно не столько заранее предзаданное, сколько не имеющее аналогов, аномальное. Поэтому творчество опирается на познавательно-творческие структуры, фиксирующие новые формы общечеловеческого опыта в сложившихся конкретных исторических обстоятельствах.

Творчество всегда предполагает некий новый образ, пророчество о будущем. Творчество не ретроспективно, не репродуктивно, а перспективно и продуктивно. Типическое в культуре безлично и предлично универсально – недаром комическое коренится в них и апеллирует к ним же. Творчество же личностно, а значит универсально трагично, – насколько может быть универсальна личная трагедия человеческого бытия.

Творчество – не только комбинация неизменных смысловых единиц культуры, но и создание новых на основе индивидуальной трагедии существования. Творчество разрушительно для традиционного привычного мира. Оно новообраз нового мира. Творческие схемы, формулы и образы, ориентированные вперед, к конечным смыслам истории, человеческой жизни, имеются в любой культуре, но их роль и значение нарастают с ходом развития цивилизации, усилились в Новое время и особенно в XX-XXI столетиях.

Любая жизнь – драма и трагедия. Трагическое одиночество – удел жизни и смерти любого человека, где бы и когда бы он ни жил. И чем острее и глубже переживается эта трагедия, тем более открыт человек к творчеству. Поэтому вряд ли состоятельны концепции, увязывающие творческую гениальность с этническими, политическими, а то и географическими факторами. Иногда, например, связывают гениальность с бескрайними просторами, величию исторической судьбы народа, крайностями политического и духовного радикализма, житейским неблагополучием и неустроенностью, общим дискомфортом быта, нравственной сомнительностью самой личности. На этой почве обычно и вырастают идеи типа «великого народа» с его великой «исторической миссией». Хотя за всем этим не скрывается ничего кроме оправдания страданий и унижения, исторического опыта выпоротых и ищущих, кого бы еще выпороть, то есть тотального – этнического самозванства. Как же все-таки заманчиво и привлекательно перекрестить порося самозванства в караса творческой гениальности! Сколько самозванцев–насильников и узурпаторов, и их безропотных жертв провозглашаются творцами – разумеется – великой истории, разве что не гениями. А сколько таких самозванцев выступало в качестве «экспертов», раздающих направо и налево свои «экспертные оценки»?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.